

Татьяна Иванько

Говорит и показывает. Книга 2

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Говорит и показывает. Книга 2 / Иванько Т. В.; худ. Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 441 с.

ISBN 978-5-532-93258-6

Прошло шесть лет - много для тех, кто любит и кто расстался? Мало для тех, кто вместе? В чём истина любви - удержать рядом любимого человека или отпустить? Напряжение в любовном треугольнике нарастает, но в сложной любовной геометрии появляются новые углы, меняя первоначальные фигуры... Полностью переменялась жизнь, совсем иным стал мир, новые законы и правила жизни, даже города изменили названия и лица, но переменялись ли так же и люди? Как различить истинную любовь среди множества подделок и суррогатов? И что сделать - пойти на её зов или спастись, убегая и прячась?.. Кем стали герои, с чем перешли к новому этапу жизни? На чём строятся и держатся семьи и для чего создают их? Они ещё нужны в сегодняшнем мире?..

ISBN 978-5-532-93258-6

© Иванько Т. В., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 11	5
Глава 1. На Садовое...	5
Глава 2. Суверенитет	15
Глава 3. Бой продолжается!.. . . .	23
Глава 4. Славно...	36
Часть 12	46
Глава 1. Дом	46
Глава 2. Грустно	53
Глава 3. Тайны и открытия	64
Глава 4. 8. 08	74
Часть 13	87
Глава 1. Ливень	87
Глава 2. Вальтер	96
Глава 3. Хорошая	106
Глава 4. Новые люди	117
Часть 14	127
Глава 1. Лица любви	127
Глава 2. И ещё Новый год	140
Глава 3. Помрачение	151
Глава 4. Юрик	162
Часть 15	174
Глава 1. Папа	174
Глава 2. Зелёное болото	189
Глава 3. Замкнутый тип	204
Глава 4. Челнок	215
Глава 16	229

Глава 1. Виток спирали	229
Глава 2. Говорит и показывает?	241
Глава 3. М-ск	245
Глава 4. Встречи	254
Глава 5. Маюшка	262
Часть 17	274
Глава 1. Золотое солнце	274
Глава 2. Трещина	280
Глава 3. Козыри	297
Глава 4. Катастрофа	311
Часть 18	321
Глава 1. Ближе	321
Глава 2. Уверенность	330
Глава 3. Добрая ссора	345
Глава 4. Портал	362
Глава 5. Апокалипсис не удался	382
Глава 6. Статус кво	422

Часть 11

Глава 1. На Садовое...

Благородный рокот мотора Харлея рассекает тишину ночной Москвы, отражаясь от асфальта, от высоких стен домов гулким эхом плещется внутри улиц, как вода в русле реки. Я хорошо знаю дорогу, и, хотя в самой Москве Ю-Ю редко пускал меня за руль, но мы столько раз ездили с ним по этим улицам и вдвоём, и в компании других рокеров, по Садовому в частности, что я отлично помню дорогу.

Навстречу почти не попадается машин, четвёртый час, самый глухой час воскресной ночи, кто-то уже лёг, кто-то ещё не вставал.

Я смотрю по сторонам, чтобы не пропустить нужный адрес, Ю-Ю сказал, дом почти напротив театра Кукол Образцова с магазином «Гжель» в первом этаже, поэтому я снизила скорость и мотор заворчал недовольно, ему охота рычать во всё своё сердце.

Я подскочил к телефону с тяжело бьющимся сердцем, что-то нехорошее снилось мне, и этот звонок стал продолжением кошмарного сна. Но голос, который я услышал сразу как будто в ладони взял бьющее в горле сердце:

– Илюша! Это я, – как будто я мог не узнать её, – можно приехать? Ты сейчас... можно сейчас?

– Что ты спрашиваешь? Что случилось?

– Я расскажу. Всё расскажу... Как найти твой дом?

– Это напротив Театра Кукол...

– Всё поняла, я скоро... Надо...

Что «надо» я уже не услышал, трубку повесила. На чём приедет? Я глянул на часы, на попутках что ли? Опасно, ночь... Господи, что стряслось?.. Мне опять стало страшно, как до того, как я услышал её голос.

В соседней комнате Юргенс с очередной пассией, я решил, что выйду из дома, не хочу, чтобы Маюшка заходила в этот холостяц-

кий рай, пропитанный тестостероном, сигаретным и пивным духом. Если бы Юргенса не было, тогда ещё, может быть. Из-за моей откровенности, когда я не смог смолчать о нас с Маюшкой в припадке тоски и отчаяния, он стал слишком живо интересоваться ею, чувствуя это, я стал рассказывать ему меньше. Но в нём пробудился какой-то плотоядный интерес, поэтому я не хочу, чтобы он увидел, чтобы вообще смотрел на неё.

Ещё бы мне не интересоваться девицей, из-за которой мой друг впал в депрессию, мой друг, которого я знаю столько лет, и все эти годы он ни разу не утрачивал весёлости и лёгкости, в отличие от меня, впадающего временами в меланхолию. За три месяца, что мы видимся каждый день, я почти не видел проблеска улыбки на его лице. И никакой иной причины, кроме этой девицы, я не нахожу.

Илья, который с беспечностью мотылька перепархивал от одной к другой, вдруг впал в такую печаль. Но в эту ночь я сладко спал рядом с грудастой красавицей из ансамбля «Берёзка». Настя или Надя, на утро я мучился, не в силах вспомнить, и боялся назвать её правильно.

Я вышел из дому через полчаса после Маюшкиного звонка. Ей не может понадобиться времени меньше часа-полутора, чтобы доехать ночью до Садового, если на попутке. Я вышел из арки со двора, закурил, остановившись напротив сказочных часов на Театре Кукол через много-многополосную улицу. Часы не включают сейчас, я ни разу не видел, чтобы работали за эти три месяца. Но что я вообще вижу?

Я работаю, живу как автомат. Вот сейчас, на улице тепло, оказывается, даже парит немного. Воздух пахнет тёплым асфальтом и пылью. Бензином. И тихо. Очень тихо. Город спит. Большой город, засыпая, становится похож на удивительное существо...

Я узнал звук мотора Харлея и у меня потеплело под сердцем, я улыбнулся, я и подумать не мог, что она решится... Вот умница. Точно безопаснее, чем на попутке ехать девушке.

Я подошёл обратно к нашему дому, и даже вышел на пустую дорогу, чтобы она увидела меня. Вон летит, что ж ты так гонишь? Маюшка... Шлем с зелёными языками огня, маленькая фигурка в седле...

...Проснувшись глубокой ночью рядом с Васей, чувствуя, что он спит глубоко и спокойно, я полежала некоторое время размышляя о том, что для меня началась новая жизнь. И теперь я должна сделать то, что обозначит это начало.

Я встала с постели, если так можно назвать этот дурацкий Васин диван с ужасными буграми и потёртой обивкой, посмотрела на Васю ещё раз, укрыла его спину этим лысым пледом, но ничего, не холодно. И я скоро.

Обернулась по сторонам. В свете уличного фонаря и вывески молочного магазина в комнате светло: джинсы и трусики, кроссовки. Но вот рубашка – это уже лохмотья. Тут косуха Васина. И футболка. Как славно им пахнет. Прости меня, Ю-Ю...

Решение взять Харлей родилось мгновенно, именно, потому что я впервые за все эти месяцы оказалась на свободе, а что может быть свободнее Харлея? Только надо узнать, где именно эта Ю-Юшина Садово-Самотёчная, сообразить, как лучше ехать. Я позвонила из Васиного коридора, где стоял телефон. Когда Ю-Ю сказал про Театр Кукол, маршрут сложился сам собой.

И вот я дошла, почти добежала до моего дома. Только бы все спали...

Они спят. Я прошла тихонечко во двор. Найда громыхнула цепью, подняв голову, я приложила палец к губам:

– Ш-ш-ш, Найдуся, ничего не говори...

Умная собака молча следила за мной, поматывая хвостом.

Хорошо, что «предки» не знают, что ключи от зажигания мотоцикла и от самого сарая, где он стоит, мы с Ю-Ю держим здесь же, на балке под крышей, сразу над входом, чтобы приезжать и уезжать можно было без задержки с поисками ключей.

Я надела шлем, и выкатила мотоцикл из ворот как можно дальше, вернулась, закрыла сарай и ворота, чтобы не заметили утром, что мотоцикла нет.

Откатив его ещё на квартал, я надела шлем и «пришпорила» моего стального великолепного коня. Я не обдумываю слов, я не представляю, как скажу и что именно, но промолчать я не могу. То, что мы с Васей не касается никого, кроме Ю-Ю.

Ю-Ю... Ю-Ю... неужели увижу тебя сейчас? После стольких месяцев? Снова увижу тебя?! Нет, не думать, иначе слова застрянут в горле...

Вот он, вот он, маячит мне с дороги... такой, совсем такой, как я помню и знаю. Волосы только длиннее...

Ю-Ю! Ю-Ю!.. Остановив Харлей, я поспешила снять шлем, скорее бросится к нему... Ю-Ю! Господи, ничего не изменилось и изменилось всё...

– Ю-Ю... Ю-Ю...

Как же я жила без него столько времени и как буду дальше?! Я же без него вообще не могу?! Ю-Ю... мой Ю-Ю...

Кинулась, роняя шлем...

Я увидел её. Эту Тумановскую Маюшку. То есть не разглядеть, конечно, как следует издали и через довольно пыльное окно кухни, выходящее на улицу, куда и отправился мой друг посреди ночи. Я услышал вначале телефонный звонок, но только, когда лязгнул дверной замок, я уже совсем проснулся. Настенька или Наденька, рассыпав красиво блестящие белые волосы по подушкам, спит беззаботно. Полежав некоторое время, и чувствуя, что сон размяк и растёкся, отравленный принятым накануне алкоголем, я понял, что лучше встать, может сморит снова. Можно было бы заняться сексом, но презервативы в моей тумбочке кончились, надо достать из шкафа в ванной, где я держал большой запас, так что так или иначе – вставать.

Вот так я и приплёлся на кухню, выпил воды, обернулся, в поисках чего-нибудь поинтереснее. Нет, «Мартини» этого, одеколони-

стого, не хотелось, лучше воды и так голова с утра будет тяжёлая, хорошо – воскресенье.

Я выглянул в окно просто так, не думая увидеть там Илью. И увидел, как подъехал мотоцикл, как соскочила девочка, роняя шлем, плеснув длинными волосами, как бросилась на шею Илье... Не представляю, чтобы ко мне на шею кто-нибудь так бросался, прямо завидно...

Но и не представляю, чтобы я кого-то так обнял и прижал к себе, как это сделал он. Мне кажется, я отсюда слышу, как стучат их сердца, хотя не вижу толком даже их лиц. Надо привести какую-нибудь, чтобы окна хоть помыла здесь, развели грязизищу...

Я вернулся в спальню, презервативов теперь хватит на любой марафон... И эта картина на ночной улице волнует и возбуждает моё воображение. Может приведёт сюда, хоть рассмотреть её, в кого он так втрескался смертельно... Наденька или Настенька замурчала сладко, просыпаясь от моего прикосновения...

– Май...

Я обнял её, прижимая лицо к её головке. Аромат твой... как я выдержал так долго без тебя?!

– Ю-Юшка...

Он, он, мой Ю-Ю! Вот такой, тёплый, твёрдый и такой мягкий, волосы твои прохладные и горячие у головы... Ю-Юша...

Но он наклонился, собираясь поцеловать меня, нет-нет, Ю-Ю...

Она отстранилась от моего поцелуя. Не зря так ныло сердце со сна...

– Подожди, Илья... Я...

Она назвала меня Ильёй, второй раз. Никогда не называла... Я всё уже понял... И я жив? Ещё жив? Май, не говори, пусть этого не будет. Пусть это останется сном... Тем кошмарным, проклятым сном, что я не досмотрел, когда вскинулся на твой звонок. Я видел всё во сне. Всё видел... Господи...

Я выпустил её из ослабевших рук. Ноги еле держат...

– Не надо, не целуй. Я... не могу... Я тебе изменила. Изменила тебе, слышишь?!

Вот всё... воткнула нож. По рукоять. Что, сердце ещё бьётся?..

– Ты... не любишь меня больше? – спросил я без голоса.

– Люблю! Люблю! – она замотала головой. – Всегда буду любить!

Так люблю, что... нельзя дышать... Но...

– Значит, его ты не любишь.

– И его люблю... – глаза огромные какие...

– Так не бывает, – преодолевая боль, говорю я, может ещё одумается? Ну, опомнись! Опомнись! Вот же я!

– Знаю... и не знаю... Я не знаю, как это... – и заплакала, прижав ладошку к лицу, зажимая рот.

– Не надо, – я обнял её. Маленькую глупую девчонку.

– Ю-Юшенька... я не могу жить без тебя. Не смогу никогда. Но...

– Всё, не надо, не надо, Май... – я целую её волосы, тёплая макушка... – не плачь. Что ты...

– Я не знаю, как я...

– Я знаю, – сказал я. – Я встал между вами, ты всегда лю... его... любила его... Я так боялся, что... Но это... неизбежность.

Она плакала долго, прижимаясь ко мне.

– Ну, всё? – спросил я, когда она, чуть-чуть примолкнув, отодвинулась, вытирая лицо. – Всё, не плачь больше. Поедем в какую-нибудь «забегаловку», что мы на дороге...

– Надень мой шлем... – гундосо проговорила она.

– Не надо, я за руль, садись за спину.

Мы оседлали Харлей, как делали сотни и сотни раз. Она села за мою спину и протянула руки обнять меня. Рукав задрался, у неё синяк на руке, большой и не один, старый на новый...

– Что это, Май? – замирая, спросил я, обернувшись за спину.

Она нахмурилась, и лицо задрожало опять, снова заплачет.

– Держись, – сказал я, снимая мотоцикл со стопаря, спрошу позже...

Хотя бы при свете рассмотреть её, худая совсем, как из Освенцима. Маюшка тоже не надела шлем, обняла меня, приклонившись головой к спине. Вот горе-то... какое же горе, Господи, как же я... как же я переживу это?..